

Разговорные, простые (но не низкие) выражения о некрашеном заборе, ветхом домике, экспрессивно разговорное «или во сне он это видит?» переходят в приподнятое

... иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба (в вариантах — рока) над землей?

После наводнения Евгений спешит к реке «душою замирая, в надежде, страхе и тоске»; «дерзкий пловец», достигший наконец берега, «изнемогающая от мучений, /Бежит туда, где ждет его/Судьба с неведомым известьем, /Как с запечатанным письмом». Он ищет следы дома Параши, «полон сумрачной заботы» (в вариантах «полн мучительной заботы»). Безумие Евгения дано скорее в высоких, чем в сниженных, интонациях — (см. здесь «смятенный ум», «мятежный шум Невы», «его терзал какой-то сон», «он оглушен был шумом внутренней тревоги» и т. д.; особенного внимания заслуживает стих «ужасных дум безмолвно полон», соотнесенный со строкой о Петре; ср. здесь также «ужасных дум» — и «ужасен он» о Петре).

В тексте, организованном в этой тональности, прямые и простые наименования, а также тщательно отобранные разговорные элементы не только не создают эффекта стилистической сниженности, но, напротив, активно участвуют в создании этой тональности, придают тексту силу и энергию. Может быть, самый поразительный в этом отношении фрагмент — первое упоминание о безумии Евгения; он обычно приводится как пример прозаичности и сниженности в «теме Евгения», между тем отданный внаймы «пустынный уголок» Евгения, сам герой, который «за своим добром не приходил», «бродил пешком, а спал на пристани», в которого «злые дети бросали камни», которого стегали «кучерские плети», — все эти прямо обозначенные и названные простые бытовые детали, трагические в своей обыденности и обнаженности, неприкрытости «обветшалыми украшениями стихотворства», углубляют драматичность повествования, как и *зривенник*, за который «перевозчик беззаботный» везет Евгения «чрез волны страшные», как «забор некрашенный, да ива и ветхий домик», как и «картуз изношенный», как и бедный ужин рыбака на острове и многое другое. Все это относится не только к изображению безумного Евгения, но и ко всем драматическим эпизодам повести, и особенно отчетливо — к сцене наводнения, о которой Белинский писал: «Тут не знаешь, чему больше дивиться: громадной ли грандиозности описания или его почти прозаической простоте, что, вместе взятое, доходит до высочайшей поэзии»⁵. Можно вспомнить также известное замечание С. П. Шевырева о словах *дурь* и *невмочь*, которые в стихе Пушкина теряют «свою грубость». Очевидно, это соединение простоты и эмоциональности в описании наводнения — предмет особой заботы Пушкина, оно определяет ту точность и верность, которые он не находит, судя по примечанию, в «Олешкевиче» Мицкевича, отмечая в то же время, может быть, несколько иронически, отсутствие в своем описании «ярких красок польского поэта»; в этом же плане, но уже отчетливо иронически, очевидно, можно осмыслить упоминание «бессмертных стихов» Д. И. Хвостова.

Как пример сниженного стиля Евгения приводят часто фрагмент, заключающий прозаические и непритязательные рассуждения героя о бедности, службе, женитьбе, где разговорность языка и простота деталей, так сказать, не компенсируются драматичностью и напряженностью ситуаций, как это было в сценах безумия; но и этот отрывок не свободен от книжного элемента — см. здесь «в волнение разных размышлений», «доставить и независимость и честь», несколько даже неожиданное элегическое «приют смиренный и простой». Вообще весь этот отрывок особенно любопытен как пример, демонстрирующий открытый Пушкиным еще в

⁵ Б е л и н с к и й В. Г. Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1955, стр. 544.